

Речка, где ловятся пескари...

Василий ПЕСКОВ. (9 Августа 2012)

Фото: Василий ПЕСКОВ

Василий Песков: «В детстве самым притягательным местом была речка»

Помню, отец взял меня на руку: пойдём к речке, говорят, лёд пошёл...

На берегу Усманки под мостом стояла толпа людей. Всем было интересно видеть, как идёт лёд. Два мальчишки побежали по льду к перевернутой льдине, на которой прыгали две небольшие рыбки. Все ахнули. Но мальчишки благополучно вернулись на берег. Все стали разглядывать рыбок...

Мне тогда было шесть лет, и я помню, как более взрослые спешили к телеге, в которой сидел «лохмотник» (старьевщик), и который кричал: «Иголки, гребешки, ленты... Для мужиков оселки, помазки, пряжки, рыболовные крючки!» Мальчишек интересовали только крючки. И я, как все, прибежал с корзиной костей и кучей старого тряпья к деревенскому благодетелю. В его синем облезлом сундучке лежало рыболовное богатство.

Получив три желанных крючка, я сразу же начал ладить удочку. Ореховое удилище, леска с катушкой ниток, поплавок из пробки и крючок с «комариную ногу». Всё, удочка готова!

Я уже знал, какую рыбу надо ловить. Лежа на берегу, около самой воды, можно было увидеть стайки небольших рыбок, которые бегали по светлому песчаному дну неглубокой воды. Я знал: рыбок зовут столбуны (позже услышал: в других местах называют пескари). Они были не боязливы. Я пытался дотянуться прутиком до стаи, бросал сверху в воду кусочки червяков - столбуны их не обходили. Они любили чистую воду, не заплывая в водяные заросли. Один раз я видел, как на стайку столбунов бросился небольшой налим, но ни одного мальца не схватил.

С этого раза я решил попробовать ловить резвую рыбку. И с первого раза поймал одиннадцать столбунов. Весь улов я принес домой в стеклянной банке живым. Мама решила зажарить эту добычу и очень хвалила вкус рыбок. А отец стал смеяться: «Кости не надо выбрасывать - люди могут поранить себя...»

Через неделю, когда я принес четыре десятка рыбок, отец шутить перестал и рассказал мне, каких червей любят столбуны, где лучше всего ловить рыбу в нашей речке, как хранить улов в жаркий день и все другие премудрости ужения столбунов. Моя слава ловца распространилась дальше Селькиной ямы, из которой вытекал рукав чистой воды, бежавшей по песчаному дну, где я ловил своих маленьких рыбок. Клевали они только на червяка. На крючок я надевал лишь кусочек червя, и рыба все равно клевала, так что иногда не надо было смотреть на поплавок - с берега было видно, как рыба подходит к наживке, как забирает ее в рот - только знай подсекай! Постепенно я стал ловить на два крючка сразу. И домой приносил до шестидесяти рыбок за утро. Взрослые рыболовы не обращали внимания на забавы мальчишек. Однажды ко мне подошел сам Василий Арчаков: «Ну, что у тебя, покажи». Я вытряхнул из мешочка, сшитого мамой для пойманной рыбы. Улов был живым. «Мне то и надо было узнать...» Василий Арчаков был рыбак знатный - ловил с друзьями рыбу сетью. Один раз, рассказывают, вынули сразу шесть пудов лещей. Рыбу он удочкой перестал ловить. А тут решил поймать щуку, однако наживку почему-то быстро поймать не мог. Я дал ему выбрать сколько желает столбунов. Через полчаса приходит с хорошей щукой: «Добычу надо бы с тобой поделить, но знаю, не возьмешь. Вот тебе награда, - и достает из подкладки картуза два хороших крючка, - хватит тебе мелкоту ловить. Поймаешь крупную рыбу - вспомнишь меня».

Но я долго ловил столбунов. Узнал повадки маленькой рыбки. Это была дневная рыба. Солнце село - клев как отрубил. Особенно хорошо ловились столбуны после летнего дождя. По какой-то причине иногда эта рыба подпрыгивала вверх, и тогда я видел у ее рта два уса. Для наживки на щуку столбун незаменим. Иногда он ловится и зимой.

Рыбак я по большому счету слабый - плотва ловится, и я доволен. Но ловил рыбу «топтухой», бреднем, в низовьях Волги ловил жереха и крупных сазанов, а на Камчатке и Аляске ловил лососей. Но часто вспоминаю ужение на крючок «с комариную ногу» -

ловлю, как в детстве, столбунов (пескарей) и плотву. Самый большой знаток рыбы в России Сабанеев писал: ловля пескарей - удел детей и начинающих рыболовов. Но мне приятно вспоминать детство. Я узнал, что есть речка, впадающая в Дон, где водятся большие, до восемнадцати сантиметров, пескари, и захотел на речке той побывать. Спросите: почему не на Усманке? Есть причина.

Фото: Василий ПЕСКОВ

Улов уместился в одной банке.

После войны речка стала сильно мелеть. Приезжая из Москвы на родину, речку я перестал узнавать. Стал спрашивать отца: в чем дело? Отец рассказывал, какой речка

была в его детстве. Порывшись в книжках, я узнал: Усманка была речкой пограничной - за ней было «дикое поле», через которое совершали на Русь набеги крымские татары... «Но я ведь помню речные плёсы и ямы...» Отец, работавший на железной дороге, не знал, что ответить. И я в 1970 году решил пройти речку от истока до устья (150 километров) пешком. И прошел. Весь поход занял две недели. Я ночевал в деревнях и в стогах возле речки. Посидел с удочкой в местах, знакомых с детства, говорил со стариками, узнал: после войны в воронежских и липецких местах исчезло больше трехсот маленьких речек. Речки погубило осушение болот, вырубка остатков леса и распашка поймы под урез берегов. Очерк о путешествии был опубликован на большой полосе «Комсомольской правды» под заголовком «Речка моего детства». Отклик читателей был большим - я получил две тысячи писем. «Вы написали не только о своей речке, но и о нашей тоже». Везде были одинаковые причины исчезновения речек...

Фото: Василий ПЕСКОВ

Пескарь любит песчаное дно и неглубокие места

Через два года мы с Борисом Стрельниковым отправились в путешествие по Америке, где как раз шли большие споры: что делать с природой? Мы с интересом слушали и читали американцев. Помню сенсацию: на востоке страны загорелась река Кайахога, загорелась от того, что на поверхности было много бензина и нефти. Подъехали к Миссисипи. Я решил на память в реке искупаться. Сохранился снимок: стою по колена в воде, а какой-то сельский американец объясняет: «Купаться нельзя! Вода очень грязная». Три раза мы подъезжали к реке и убедились: у берега всюду была у кромки нефть. По реке шли баржи, и не было ни одного пассажирского судна. А ведь не так уж давно Марк Твен

писал в книге «Жизнь на Миссисипи»: «Воду для питья черпали за бортом». Теперь везде людей на Земле настигало загрязнение мусором, нефтью, химикатами...

Речка у Дона была на удивление чистой, и в ней действительно жили пескари величиной в половину мужской ладони. Ловили рыбок не деревенские мальчишки, а городские мужики. Улов каждого умещался в стеклянной банке. И я вспомнил Сабанеева, который писал: «Москворецкими рыболовами найден способ ловить даже на одну удочку до шестисот пескарей в день». Было это сто пятьдесят лет назад. И что будет на Земле завтра?